

ЖАНРЫ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 195–205

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 195–205

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-195-205>, EDN: VKCDQE

Научная статья

УДК 811.161.1'42-053.2

«У меня сдохла канарейка. Приезжай к нам на Рождество»: динамика жанрового канона сообщения в открытке в диахронии и в онтогенезе (на материале открыток, написанных детьми, из корпуса «Пишу тебе»)¹

А. В. Колмогорова[✉], П. А. Колмогорова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Россия, 190068, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 119–121

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор департамента филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, академический руководитель магистерской программы «Языковые технологии в бизнесе и образовании», akolmogorova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Колмогорова Полина Алексеевна, магистрант Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, pakolmogorova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1708-5437>

Аннотация. Анализируются характеристики речевого жанра «сообщение в открытке» в русской коммуникативной практике двух эпох: дореволюционной и советской. В качестве материала используется подкорпус из 253 открыток, написанных детьми, из коллекции цифрового корпуса открыток «Пишу тебе». Цель исследования состоит в том, чтобы через наблюдение за овладением жанровым каноном незрелыми носителями языка лучше рассмотреть как его специфику в целом, так и динамику изменений, произошедших на переломе двух эпох. Проведенный анализ показал, что речевой жанр «сообщение в открытке» сензитивен к большому количеству факторов разной природы: материальному субстрату; достижениям научно-технического прогресса, характерным для эпохи; изменениям мировоззрения и ценностной картины мира членов лингвокультурного сообщества; влиянию доминирующих практик использования визуального компонента в коммуникации. Изменение содержания данных факторов на переломе эпох привело к серьезным отличиям в жанровом каноне дореволюционного времени и советского, что нашло свое отражение в детских жанровых опытах. Если в дореволюционных детских сообщениях в открытках присутствуют яркие признаки естественной письменной речи и даже устной речи – непринужденность, слабый орфографический контроль, фонетический принцип орфографии, диалогичность, то в открытках советских детей – шаблонность, тяготение к коллективному адресанту, сильный орфографический контроль, изоморфность интенции текста и визуального оформления. Интерпретируя данные отличия, мы делаем вывод о том, что до 1917 г. сообщение в открытке рассматривалось как разновидность повседневного семейного и дружеского общения, близкого к его устной форме, а в советское время жанр приобрел выраженный риторический публичный характер. Отличается и субжанровая структура: в дореволюционной коллекции встретились разнообразные жанры («сообщение», «весточка», «на память», «рассказ о событии», «из путешествия» и т. д.), а в советское время жанровый репертуар сузился исключительно до поздравления. Таким образом, открытка, написанная детьми, показывает генезис жанрового канона, поскольку процесс овладения незрелым носителем языка системой существующих жанровых форм ярко профилирует специфику этих форм.

Ключевые слова: речевой жанр «сообщение в открытке», корпус «Пишу тебе», формирование речеванового мышления, дореволюционные открытки, советские открытки, детские открытки

¹В данной научной работе использованы результаты проекта «Текст как Big Data: моделирование конвергентных процессов в языке и речи цифровыми методами», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Для цитирования: Колмогорова А. В., Колмогорова П. А. «У меня сдохла канарейка. Приезжай к нам на Рождество»: динамика жанрового канона сообщения в открытке в диахронии и в онтогенезе (на материале открыток, написанных детьми, из корпуса «Пишу тебе») // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 195–205. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-195-205>, EDN: VKCDQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“My canary died. Come to us for Christmas”: The dynamics of the genre canon of a message in a postcard in diachrony and in ontogenesis (based on postcards written by children from the corpus “I am writing to you”)²

A. V. Kolmogorova[✉], P. A. Kolmogorova

National Research University Higher School of Economics (HSE University, Saint Petersburg), 119–121 nab. Griboyedov Canal, Saint Petersburg 190068, Russia

Anastasia V. Kolmogorova, akolmogorova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Polina A. Kolmogorova, pakolmogorova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1708-5437>

Abstract. The article features the speech genre “a message in a postcard” in Russian communicative practice of two periods: the period before 1917 Revolution and the Soviet period. The research is based on a subcorpus of 253 postcards written by children from the collection of postcards digital corpus “I am writing to you”. By observing the mastery of the genre canon by non-adult native speakers, we consider both the specifics of the speech genre and the dynamics of its changes that occurred at the turning point of two periods. The analysis showed that the speech genre “a message in a postcard” is sensitive to a large number of factors of different nature: its material substrate; achievements of scientific and technological progress; changes in the worldview and value picture of the world that occur in the linguistic and cultural community; the influence of dominant practices of using the visual component in communication. The changes brought by 1917 Revolution led to serious differences in the genre canon of the pre-revolutionary and the Soviet periods, which were reflected in children’s genre experiences. If in prerevolutionary children’s messages in postcards we observe vivid signs of natural written speech and even oral speech – ease, weak spelling control, phonetic principle of spelling, dialogical structuring, in postcards of Soviet children we see the use of speech templates, frequency of the collective addressee, strong spelling control, isomorphic intention of the text and visual design. Interpreting these differences, we conclude that before 1917, a message in a postcard was considered a kind of everyday family and friendly communication, close to its oral form, whereas in Soviet times the genre acquired a pronounced rhetorical public character. The sub-genre structure of analyzed speech genre also differs: in the pre-revolutionary collection, we find a variety of subgenres (“message”, “news”, “for memory”, “story about an event”, “from a trip”, etc.), and in Soviet times the genre repertoire narrowed to congratulations. Thus, a postcard written by children shows the genesis of the genre canon better, since the process of mastering the system of existing genre forms by an immature native speaker vividly profiles the specifics of these forms.

Keywords: speech genre “a message in a postcard”, corpus “I am writing to you”, forming speech genre patterns, prerevolutionary post cards, Soviet post-cards, post cards from children

For citation: Kolmogorova A. V., Kolmogorova P. A. “My canary died. Come to us for Christmas”: The dynamics of the genre canon of a message in a postcard in diachrony and in ontogenesis (based on postcards written by children from the corpus “I am writing to you”). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 195–205 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-195-205>, EDN: VKCDQE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современной лингвистике жанроведение занимает важное и значимое место. Следуя вектору, заданному в работах М. М. Бахтина, исследователи охватили своим пристальным

вниманием большой диапазон речевых форм, составляющих живую ткань общения не только представителей русскоязычного сообщества, но и носителей иных языков и культур.

Как справедливо отмечает В. В. Дементьев, теория речевых жанров решает чрезвычай-

²This work/article is an output of a research project “Text as Big Data”: modeling of convergent processes in language and speech by digital methods” implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023.

но важную и востребованную в современных условиях задачу «формирования речеванровой картины той или иной страны / эпохи» [1: 178]. В данной публикации мы ставим своей целью дополнить эту масштабную картину одним маленьким, но интересным фрагментом – мы опишем специфику речевого жанра «сообщение в открытке» в диахроническом и онтолингвистическом аспектах: с одной стороны, мы сравним жанровые формы, использовавшиеся невзрослыми авторами в дореволюционное время и в советское, рассмотрим на примере открытки динамику формирования представлений об этом жанре в лингвокультуре, а с другой – проанализируем характеристики становления речеванрового мышления у детей и подростков на материале дореволюционной открытки.

**Речевой жанр «сообщение в открытке»:
общая характеристика жанра и материала
для его исследования**

К. Ф. Седов, подчеркивая важность социально-психологического фактора в генезисе жанра, определяет речевой жанр (РЖ) как «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [2: 163]. С этой точки зрения «сообщение

в открытке» имеет цель осуществить дистанцированное в пространстве «социальное поглаживание».

Н. Б. Лебедева отмечает важность материального субстрата для формирования признаков и характеристик жанра [3]. Для «сообщения в открытке» субстрат играет решающую роль. Так, ограниченное пространство для текстового сообщения предопределяет его малый объем. Интересно отметить в этой связи, что на дореволюционных открытках конца XIX в начала XX в. нередко можно видеть, что сообщение располагается на лицевой стороне открытки вокруг изображения, при этом на внутренней стороне записывается только адрес (рис.1). В таких случаях сообщение было очень коротким.

Само изображение предопределяет поликодовость сообщения: картинка или фотография на внешней стороне открытки может приниматься во внимание автором текста и быть в эксплицитном согласии с его замыслом или создавать подтекст сообщения, а может и игнорироваться, но в таком случае адресат может извлечь некую инференциальную информацию из сообщения. Например, если на открытке новогодняя картинка, а в сообщении – поздравление с Международ-

Рис. 1. Лицевая сторона открытки, на которой написан текст

Fig. 1. Front side of the postcard covered with the text

ным женским днем, то получатель может заключить, что отправитель поленился купить соответствующую случаю открытку, воспользовавшись той, которая осталась неотправленной в преддверии Нового года. Такое умозаключение снижает социально-психологическую ценность сообщения для адресата. Кроме того, отсутствие конверта делает сообщение на открытке публичным, предопределяя выбор речевых формул и характер сообщаемой информации.

Надо сказать, что РЖ «сообщение в открытке» в рамках русской лингвокультуры изучен достаточно узко: в современной научной литературе фокус внимания сосредоточен на открытке как субстрате для функционирования РЖ поздравления [4, 5]. Однако мы предлагаем пойти обратным путем и, оттолкнувшись от признака единства субстрата, говорить о жанре «сообщение в открытке», анализируя его в рамках разнообразных субжанров, поскольку сообщение далеко не всегда является поздравлением. Зачастую – это «весточка», «привет из путешествия», «на память», «сообщение», «рассказ о событии», «любовное послание» и т. д.

В нашем исследовании мы опирались на уникальный в своем роде ресурс – корпус оцифрованных открыток «Пишу тебе» (<https://sysblok.ru/postcards/>), в котором усилиями авторов проекта «Системный Блок», волонтеров, преимущественно студентов НИУ ВШЭ, и при поддержке ряда музейных коллекций было собрано 16678 открыток. Они размечены при помощи серии тегов: по автору (#написано детьми), по субжанру (#новости, #шлю привет и т. д.), по речевому

акту, являющемуся главным в сообщении (#просьба, #благодарность и др.), по эпохе (#дореволюционные, #советские, #постсоветские), по характеру изображения (#картинка, #фотография). По заданному тегу или группе тегов мы получаем выдачу, которая состоит из изображения открытки с двух сторон (изображение и рукописный текст на обороте), нормализованному в соответствии с современной орфографией напечатанного текста сообщения и метаданных: адресат, его адрес, отправитель, его адрес, год на штемпеле, название изображения на открытке и типография, где открытка была произведена.

В преломлении к открытке нас интересовал процесс формирования речежанрового мышления у незрелых носителей языка, т. е. то, как в ходе своего социального становления языковая личность «врастает» в систему жанровых норм [6: 63] конкретного языка. Данный процесс эвристически привлекателен, поскольку может существенно расширить наши представления не только о процессе овладения языком, но и о самом языке [7: 182], в частности о его жанровых нормах и диапазоне их вариативности. В корпусе есть удобный тег #написано детьми, однако по понятным причинам нет информации о возрасте детей, поэтому мы условно делили авторов на две группы дошкольники и школьники / гимназисты по косвенным признакам: тематике писем, самоидентификации (например, подпись *ученик Вася Клюквин*), степени устойчивости начертательных навыков.

Таблица 1 / Table 1

Распределение открыток по критериям субжанра, эпохи, адресата, шт.

Distribution of the postcard according to the criteria of subgenre, epoch and addressee, piece

Адресат	Дореволюционные	Советские
Отцу	21	4
Матери	10	9
Бабушке	10	10
Учителю	7	8
Сверстнику	34	18
Другое	26	27
Субжанр	Дореволюционные	Советские
Поздравление	101	69
Весточка	9	6
Рассказ о событии	13	0
Привет из путешествия	6	2
Сообщение	20	8
На память	4	6

Материал и методы

Используя соответствующий тег, получили подкорпус из 253 открыток. В табл. 1. представлено распределение открыток по жанрам, по эпохе, по адресату.

В качестве методов использовались элементы дискурс-анализа, в том числе мульти-модального анализа, сравнительно-сопоставительного и контекстуального, а также текстологического видов анализа.

Результаты и их обсуждение

В ходе анализа открыток стало очевидно, что проследить динамику становления речевых жанров мышления у незрелых носителей языка удастся только на материале дореволюционных открыток, поскольку в этот период взрослые допускают публичность «несовершенства» – детям разрешено отправлять письма без корректуры со стороны старших членов семьи. В советское же время известная в теории коммуникации «модель привратника» работает и в отношении открыток: родители действуют по принципу «публичными могут быть только правильные образцы».

Анализ подкорпуса дореволюционных открыток, написанных дошкольниками, позволяет говорить о следующих признаках данного жанра в речевом мышлении ребенка этого времени:

- непринужденность, допускающая слабый уровень орфографического контроля;
- фонетичность орфографии;
- диалогичность;
- тематическая «несвязность», характерная для устной спонтанной речи;
- стертые границы между субжанрами.

В целом, дети рассматривают сообщение в открытке как нериторический жанр семейного общения. На это также указывает типичное употребление адресантом уменьшительно-ласкательных семейных имен для самоидентификации и обращения к адресату (здесь и далее орфография и пунктуация авторов открыток сохранены):

Ваш внучек Ниолочка (10 сентября 1905);

Дорогой Ники,... (1912);

Ваши Коля митя нинуся и аня (1910);

Целуем Вас. Ася, Боря, Гога (1906);

Поздравляю дорогую Бокиньку (1910);

Остаюсь люб. Вас Прася (1915);

Дуню, Дюдушку, Маню, Катю и Пану, поздравляю с Пасхой (1911).

Отметим «на полях», что, если мы сравним типы адресатов дореволюционных открыток, написанных детьми, и советских, то увидим, что в первых отец был одним из самых частых

получателей открытки, а вот советские отцы в этом статусе встречаются нечасто.

Слабый уровень орфографического контроля не мешает публичности сообщения:

(1) 10 мая 1912 года. Дорогая Соня унас дома все постарому Шура не прешел в III класс. Роза имеет одну переэзименовку. А у меня дудет известно завтра, я завтр[а] напишу тебе. Абраша

Характер ошибок (пр. 1) – пропуски букв, слитное написание, письменная ассимиляция (дудет), фонетический принцип орфографии (переэзименовку) указывают на не установившийся еще навык перекодировки устной речи в письменную. Юные авторы рассматривают сообщение в открытке как аналог устного разговора, своеобразное «говорящее письмо».

Взрослые не только не разрушают такую иллюзию, но даже поддерживают ее, по-видимому, считая подобную речь «пахнувшей родной макушкой», по меткому выражению писателя А. Терехова (роман «Каменный мост»). На рис. 2 представлена открытка, в которой сообщение написано рукой взрослого (на это указывает начертательный стиль, почерк), но при этом в нем фонетически передается характер детской речи (здесь и далее в квадратных скобках и под значком дается расшифровка слов и выражений, оригинальная орфография которых затрудняет понимание):

(2) С доблим [^добрым] утом [^утром] Авум! {приезжайте Вум к 21-му ко мне на именины} Я у мамочки спляшиваю [^спрашиваю] где Вум. Мамочка говорит, что Вум далеко и с ним розговаривать [^разговаривать] нельзя а только писать. Я попросила [^Гую], что-бы [^чтобы] она со мною написала Вам что крепко заскучала я за Вами приезжай домой к нам. Я стала уже большая и слушаюсь маму. Целую Вас [^крепонько]. [нрзб] и новую тетю. [^Елизавета] (1910).

Так, в тексте заметны замены труднопроизносимого звука [р] на [л], характерные для детской речи: с доблим, спляшиваю.

Есть и такие открытки, в которых текст написан ребенком на том уровне орфографических навыков, который имеется на данный момент, а адрес – рукой взрослого (рис. 3). Это означает, что взрослые члены семьи считают допустимым делать публичным несовершенное с точки зрения канона (жанрового, графического и орфографического) сообщение, поскольку, по-видимому, тоже рассматривают открытку, написанную ребенком, письменным (или даже – устно-письменным) вариантом семейного общения:

(3) Дорогая бабушка как вы поживаете я сейчас болен потому что бродил с Левой

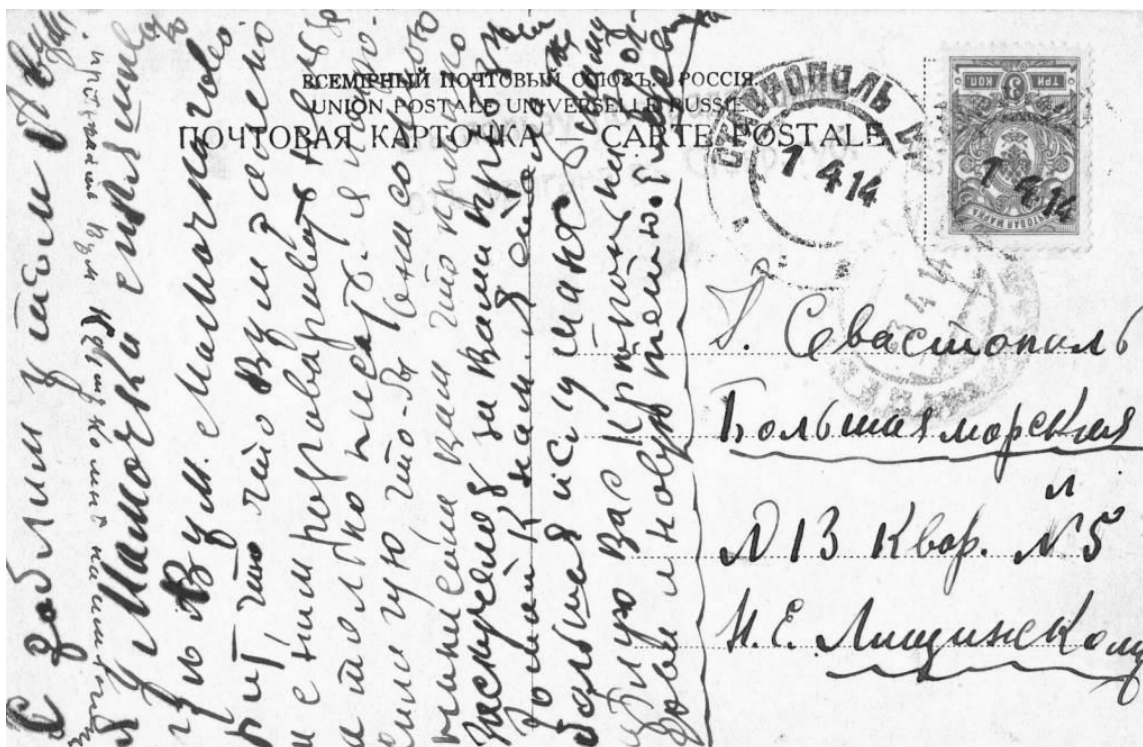

Рис. 2. Текст сообщения в открытке, записанный рукой взрослого, но с сохранением фонетической специфики речи ребенка

Fig. 2. Text of the message in the postcard, written by the hand of an adult, but with the preservation of the phonetic specifics of the child's speech

Рис. 3. Обратная сторона открытки, на которой текст сообщения написан ребенком, а адрес – взрослым

по рынкам. Целую всех Владик (текст сообщения на рис. 3).

Осмысление РЖ «сообщение в открытке» как жанра устно-письменной речи проявляется в том числе в **фонетической орфографии**.

Благодаря этому в некоторых сообщениях хорошо «слышится» диалектная речь, та естественная локальность речи, которую сами дети не ощущают:

(4) *Здравствуйти! Дорогой Коля проздравляем Вас с Ангелом Желаем всего харошего Вас тятеньки и маменьки проздравляем с Именинниками дасвидание В. И. Л. И. Новиковы {гор.Ейск Куб[Кубанской] обл. Это вид Ейска}(1905);*

(5) *Поздравляю дорогую именинницу спрощем ангилом и шлю самые лучшие пожелания и желаю здоровья прости, что не вовремя, надеюса необидиса. Мой поклон маме папи и бротям, сострам. Наверна скоро увидимса пока целую всех крепка ваша дота Паша ищорас целую (Владимир, 1902).*

Так, в пр. 4 хорошо видны такие признаки южно-русского говора, как замена [э] или [а] на [и], в формах *здравствуйти* (норм.: *здравствуйте*), *тятеньки* (норм.: *тятенька*), *маменьки* (норм.: *маменька*). В пр. 5 находим характерные для владимирского говора [о] вместо [э] после мягкого согласного перед твердым (*сострам*), [и] вместо [э] после мягких согласных (*маме, папи*), замена мягкого согласного на твердый в конце слова перед гласной (*надеюса, увидимса*).

Другим признаком, выдающим близость открытки в детском речежанровом мышлении к устному семейному общению, является выраженная **диалогичность** – ребенок может оформлять сообщение как ретроспективную реплику прерванного диалога (ты обещал... ты говорил...) (пр. 6) или реактивную (пр. 7) реплику продолжающегося диалога (ты спрашивал...):

(6) *Папа! Когда же я буду учиться музыки? После того, как отняли пианино, бежал и говорил: «Как купим рояль так будешь учиться. Купили рояль ты говорил: «когда поступлю, так и будешь учиться». Теперь поступила не найдешь преподавателя (1912);*

(7) *19 августа Дорогой папочко ты спрашивали [[^ спрашивал] кака [[^ какая] лошапка [[^ лошадка] мне нарависа [[^ нравится.] мне нарависа [[^ нравится] белая. целую тебя твои [[^ твой] Сережа. дядя Женя придет 28 кланяюсь вам [^Владя](1903).*

В работах по устной разговорной речи отмечается, что ее спонтанность часто приводит к «авариям» – выходу на речевую «поверхность» механизмов внутренней речи, предикативной свернутости высказывания, ко-

торая реципиентами может трактоваться как некоторая смысловая разорванность, **нарушение тематической цельности и лексико-грамматической связности текста** [8, 9]. В текстах открыток, написанных детьми, эта спонтанность, спровоцированная желанием рассказать много в ограниченном пространстве открытки и ощущением устности общения, проявляет себя именно таким образом (пр. 8, 9):

(8) *Дорогая бабушка как вы поживаете и как ваше здоровье. Наша бабушка умерла. Я учусь в школе. Я учусь хорошо. Павлик тоже учится хорошо. Целую крепко. Алексей Ткачев (1913).*

В пр. 8 незрелый автор начинает текст с этикетных приветственных формул, затем переходит к сакральной теме смерти, которая, по-видимому, чрезвычайно важна для него. Он понимает, что нужно еще что-то сказать, но, не зная, что именно принято говорить в таких случаях, разбивает на три отдельных предложения (*Я учусь в школе. Я учусь хорошо. Павлик тоже учится хорошо*) простую синтаксическую структуру, которая могла бы выглядеть как «Мы с Павликом хорошо учимся».

(9) *Дорогой папочка, дела очень хорошо. В Москве не могли отпустить его, потому что стоял поезд только 2 мин, хлеба большие. Рожь уже цветет. Мы уже проехали Харьков. Целую тебя крепко я и мама [^Лида](1916).*

Автор текста (пр. 9) сообщает о том, что они не смогли отправить открытку, затем, по-видимому, смотрит за окно и сообщает, что рожь цветет и хлеба большие, наконец, констатирует, что проехали Харьков.

В примерах 8, 9 мы видим **смешение нескольких субжанров** в одном тексте: «весточка» (как ты? – у нас все хорошо) и «сообщение» (сообщение о факте, событии) (пр. 8) или «весточка» и «привет из путешествия» (пр. 9).

Анализ подкорпуса открыток, написанных учениками гимназий, демонстрирует свою специфику – заметен постепенный переход к риторическому осмыслению жанра «сообщение в открытке», проявляющийся в том, что уже хорошо просматриваются границы субжанров («поздравление», «весточка», «просьба», «привет из путешествия», «на память», «сообщение», «рассказ о событии», «романтическое письмо» и т. д.); происходит функциональное осмысление изображения; заметен достаточно высокий уровень орфографического контроля.

Хотя внешняя «устность» сохраняется, но она теряет свою спонтанность, становясь более риторически обработанной (пр. 10): по-

являются риторические вопросы (*В училище нельзя скучать, правда?*), вводные слова (*впрочем*), стилистические фигуры (антифразис: *скучно или очень весело*).

(10) *Ну дорогой Ксенурчик! Что-же это значит, что ты все молчишь на мое письмо? Скорее, Ксенура пиши, а то я уже начинаю кипятииться. Как дела Ксенурка! Скучно или очень весело. Вероятно последнее? в училище нельзя скучать, правда? Ну, Ксенуличка, теперь я тебе напишу за себя. Впрочем это я сделаю в письме. Исправила ли ты по истории и вообще как твои успехи? Какие новости? Я все сообщу в письме а теперь пора на своих двух по невылазной грязи на почту идти. {Пиши скорее получила ли ты мое письмо и если получила, то почему не отвечаешь? Целую тебя дорогую твоя подруга Сима}* (1916).

Появляются новые субжанры – например, «любовное послание», часто написанное в стихотворной форме (пр. 11, рис. 4):

(11) *Нетрудно влюбится / Не трудно любить / Но трудно расстаться / Любовь па-зобить.*

В открытках, отправленных взрослым (учителям, родителям), проявляется осмысление подростками изображения как инструмента

для создания смыслового подтекста, как правило, контрастирующего с содержанием текста. Так, совершенно каноническое поздравительное сообщение (пр. 12, рис. 5), адресованное учительнице, может сопровождаться изображением сцены уничтожения перед обыском запрещенных изданий.

(12) *Милая! Марта Ивановна поздравляю Вас с Праздником Рождества Христова и желаю вам чтобо [чтобы] Вы хорошо провели [провели] время и поздравте [поздравьте] от меня Женичку. Остаюсь ваша учиница [ученица] О. Крапивина* (1914).

В следующем примере (пр. 13, рис. 6) коллективное поздравление учительнице сопровождается достаточно чувственной картинкой, изображающей романтическое свидание («При лунном свете») и служащей своеобразным маркером взрослости авторов послания:

(13) *Милая Вера Гавриловна! Поздравляем Вас с днём Ангела и желаем всего хорошаго [хорошего]. Любящие вас ученицы 5 класса* (1913).

В открытках анализируемого подкорпуса встречаются тексты субжанра «сообщение», по функциональности аналогичные современным сообщениям в мессенджерах. Цель текстов данного субжанра – донести до по-

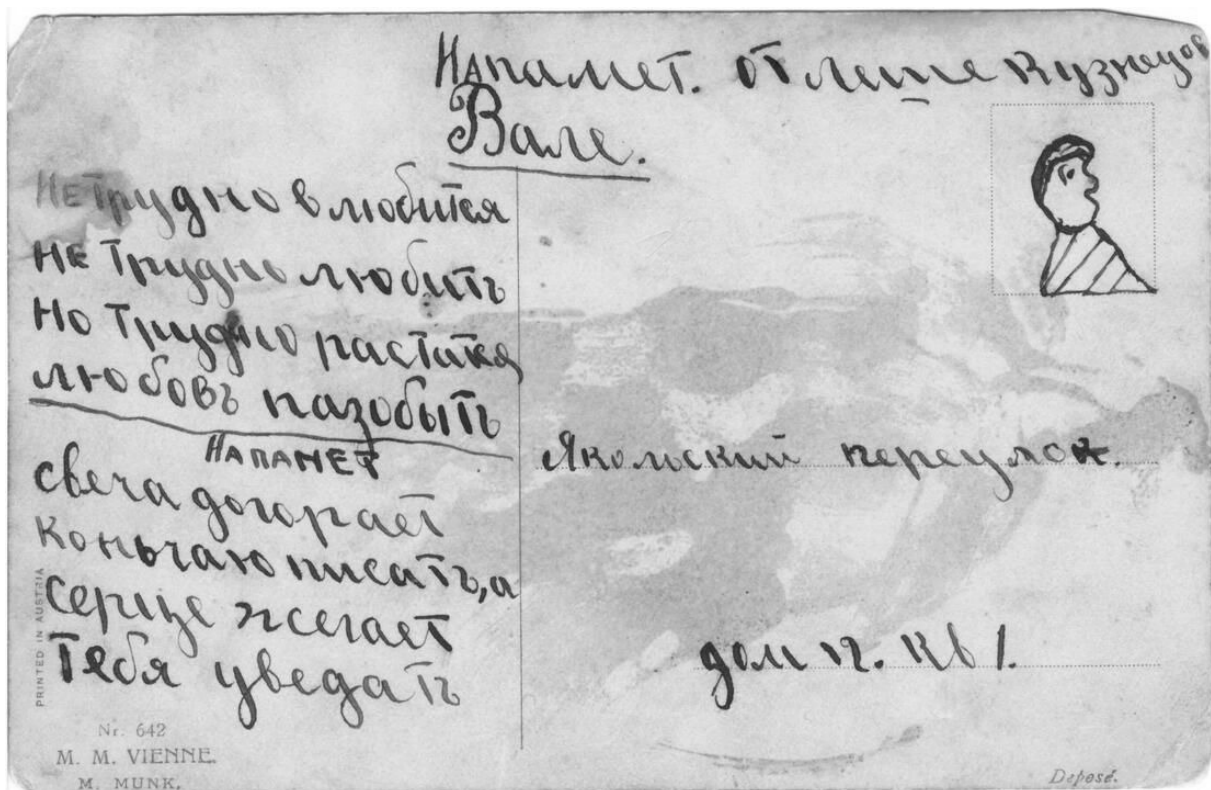

Рис. 4. Текст открытки, субжанр «любовное послание»
Fig. 4. The text of the postcard, subgenre “love message”

Рис. 5. Изображение «Перед обыском» на лицевой стороне открытки (пр. 12)
 Fig. 5. The image “Before the search” on the front side of the postcard (ex. 12)

лучателя совершенно практическую информацию, связанную с повседневной жизнью и актуальную в рамках короткого промежутка времени. Адресант и адресат таких открыток живут в одном городе. Характерным маркером указанных текстов являются темпоральные дейктики (указание на конкретную дату, время: *5 апреля* (пр. 14), *четверг* (пр. 15)) и эксплицитное объяснение основной интенции (*я очень извиняюсь* (пр. 14); *мне надо с тобой поговорить по нужному делу* (пр. 15)):

(14) *Многоуважаемая Варвара Семеновна. Я очень извиняюсь, что не смогу заниматься 5 апреля, так как этот день совпадает с девятым днем смерти моего папы. С. Селезнева;*

(15) *Дорогой Володя поздравляю я и мама с днем твоего Ангела и желаем всего хорошего и ждем тебя тебя в четверг к [нрзб] на горячий пирог будет Дуся а мне надо с тобой поговорить по нужному делу Твой брат (1910).*

Что касается **подкоруса советских открыток**, то следует констатировать, что в них безраздельно доминирует субжанр «поздравление», тексты написаны практически без ошибок, поздравительный повод практически всегда коррелирует с изображением на открытке (изображение улыбающейся женщины или букета – поздравление с Международным женским днем; снеговика, елки – с Новым годом; танка или мужчины в военной форме – с Днем Советской Армии и т. д.). Отличитель-

Рис. 6. Изображение к тексту пр. 13 – «При лунном свете»

Fig. 6. Image to the text of ave. 13 – “By moonlight”

ной чертой текстовой составляющей данного подкорпуса является клишированность формулировок. Так, зачин пожелания может быть продолжен вполне исчислимым количеством формулировок:

... чтоб Ваш труд был плодотворен; чтобы в жизни у Вас было много и очень много радостных дней; крепкого, крепкого здоровья, и счастливого неба над головой, и еще чтобы вы всегда были молодые; долгих лет жизни, счастья, успехов в воспитании молодого поколения.

Хотя некоторые поздравительные тексты носят вполне различимый отпечаток времени: ребенок желает взрослой родственнице «стоять на страже Советского Союза» и «быть соактивисткой» (пр. 16):

(16) Жилаю тебе успеха в твоей жизни и жилаю счастья вбудущем, чтобы ты с моим [нрзб] устроилась на службу и смола работать в советском союзе и ты должна стать настражи советского государства и стать соктивиской, помогай маме и папе и всем остальным. Валя желаю тебе прожить мн лет (1955).

Иногда сквозь напластования клише пробивается нотка семейного общения:

(17) Желаю хорошего здоровья, успехов в труде, в учебе, учиться всем на 5 и 4 и быть послушными и не нервировать бабуся (1966);

(18) Дорогих, дедушку и бабушку, поздравляет с новым годом внук – Вовочка. Желает вам хорошего урожая в саду и огороде, чтобы вдоволь мог покушать фрукты и овощи (1967).

В советских открытках более ярко, чем в дореволюционных, присутствует коллективный адресант: собирательный (мама, папа, Яша, Ирина), коллективный семейный (ваши Козловы), коллективный институциональный (пионеры 5 А).

Из редких образцов иных, кроме поздравления, субжанров, бытующих в советской открытке, отметим «на память» (пр. 19), «из путешествия» (пр. 20), «весточка» (пр. 21):

(19) Дорогая подружка Риточка шлю тебе драгоценный поцелуй. Помни меня, я тебя не забуду. Неля (1937);

(20) Ялта 18/VI 57 г. Дорогая бабушка, сегодня мы целый день в Ялте. Очень красивый город, но пляж плохой. Ведь Ялта порт. Приехали мы сюда катером. Меня совсем не укачало, а маму чуть-чуть. В Ялте мы смерились и оказалось, что мы с мамой одинакогого [[одинакового] роста 155 см. Видишь какая я уже большая. Бабушка, почему ты мне до сих пор не написала? Напиши поскорей обязательно. Как твой глаз и здоровье вообще? Целую крепко – Таня. Ждем

письмо – недождемся [[не дождемся]. Ходим на почту каждый день. Целую крепко Мама {Как Кира поживает?} (1957);

(21) Здравствуй, дорогая бабушка, как твоё здоровье? Папина [[Папино] и мамина [[мамино] нечего [[ничего] здоровье. Я немного заболел гайморитом. Я четверть здал [[сдал] на отлично и меня приняли в пионеры. Баба спасибо тебе за посылку. Ну пока, целую тебя, Надя (1956).

При этом следует отметить, что последние образцы не поздравительных субжанров речевого жанра «сообщение в открытке» в коллекции датируются 1957 г. Видимо, к этому времени окончательно складывается советский канон, который включает в себя только субжанр поздравления.

Заключение

Анализ, проведенный через призму открытки, написанной детьми, продемонстрировал, что РЖ «сообщение в открытке» является жанром, чувствительным к большому количеству факторов разной природы.

Его специфика тесно связана не только непосредственно с материальным субстратом, но и с принятыми в определенный момент времени практиками использования этого субстрата: в конце XIX в. – самом начале XX в. текст принято было писать вокруг или непосредственно на изображении, а затем – на обратной стороне открытки, и от этого зависела длина текста.

Кроме того, на жанровые черты влиял и технический контекст эпохи – по-видимому, повсеместное распространение телефонной и телеграфной связи во второй половине XX в. способствовало тому, что приватные сообщения практически исчезли из «открыточной» переписки, которая в этой связи потеряла свой статус разновидностей непринужденного семейного и дружеского общения, превратившись в советское время в своеобразный ритуальный жанр.

Другим важным жанровым фактором является изменение ценностной картины мира внутри лингвокультуры и социально одобряемых паттернов коммуникации: если в центре картины мира типичного социума находились семейные ценности, то в советское время их место (по крайней мере, на уровне демонстрации) заняли статусные коллективные отношения, которые включали в себя семью, но только в числе прочего. Именно с этим, как представляется, связаны такие черты дореволюционных детских сообщений в открытках, как непринужденность, устно-письменный характер, слабый орфографический контроль, с одной стороны, а, с другой стороны,

в открытках советских детей – шаблонность, тяготение к коллективному адресанту, сильный орфографический контроль.

На открытку как РЖ оказали также влияние и изменения правил обращения с визуальным семиотическим кодом, произошедшие после 1917 г. Если в дореволюционной России одним из этапов становления речежанровой компетенции подростка было осмысление изображения как лабильной части сообщения, способной создавать его подтекст и реализовывать символическую функцию (свидетельствовать о самоидентификации автора, его взрослости, политической позиции и т. д.), то искусство агитации и пропаганды советского времени изменили отношение изображения

и текста. Изображение стало выполнять первичную функцию социальной символизации, выражения основной идеи, которой лишь вторило текстовое сообщение.

Таким образом, открытка, написанная детьми, достаточно красноречиво показывает генезис жанра и жанрового канона, поскольку процесс «врастания» ребенка, подростка в систему жанровых форм, принятых на данный момент в лингвокультуре, наиболее четко передает специфику этих форм – дети старательно копируют одобряемые взрослыми образцы жанра, невольно высвечивая, как на тепловой карте, точки притяжения ценностных смыслов современного им общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
2. Седов К. Ф. Общая и антропологическая лингвистика. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 440 с.
3. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Токаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная переписка. М. : Красанд, 2011. 256 с.
4. Бутыльская Л. В. Социокультурный феномен открытки (на примере русской свадебной открытки) // *Учёные записки ЗабГУ. Сер. Филология, история, востоковедение*. 2013. № 2 (49). С. 66–70.
5. Сухотерина Т. П. Диалогичность жанров естественной письменной речи (на примере гипержанра «Поздравление») // *Диалогическая лингвистика: коллективная монография / под науч. ред. Н. Н. Шпильной*. Барнаул : АлтГПУ, 2019. С. 125–138.
6. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.
7. Шахнарович А. М. Семантический компонент языковой способности // *Психолингвистические проблемы семантики / отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович*. М. : Наука, 1983. С. 181–190.
8. Ахутина Т. В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М. : URSS, 2022. 224 с.
9. Харченко В. К. Современная повседневная речь. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 184 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. What have genre studies given to modern linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

2. Sedov K. F. *Obshchaya i antropologicheskaya lingvistika* [General and anthropological linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2016. 440 p. (in Russian).

3. Lebedeva N. B., Zyryanova E. G., Plaksina N. Yu., Tyukaeva N. I. *Zhanry estestvennoy pis'mennoy rechi: Studencheskoe graffiti, marginal'nye stranitsy tetradey, chastnaya perepiska* [Genres of natural written speech: Students' graffiti, marginal pages in notebooks, private correspondence]. Moscow, Krasand, 2011. 256 p. (in Russian).

4. Butyl'skaya L. V. Sociocultural phenomenon of post card (as based on Russian marriage post card). *Academic papers of ZabGU: Philology, History, Oriental studies*, 2013, no. 2 (49), pp. 66–70 (in Russian).

5. Sukhoterina T. P. Dialogical character of genres in natural written speech. In: *Dialogicheskaya lingvistika: kollektivnaya monografiya. Pod nauch. red. N. N. Shpil'noy* [Shpil'naya N. N., ed. Dialogical linguistics: Collective monograph]. Barnaul, AltGPU, 2019, pp. 125–138 (in Russian).

6. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: Evolution of communicative competence]. Moscow, Labirint, 2004. 320 p. (in Russian).

7. Shakhnarovich A. M. Semantic component of linguistic capability. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki. Otv. red. A. A. Leont'ev, A. M. Shakhnarovich* [Leont'ev A. A., Shakhnarovich A. M., eds. Psycholinguistic problems of semantics]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 181–190 (in Russian).

8. Akhutina T. V. *Porozhdenie rechi: Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa* [Speech generation: Neurolinguistic analysis of syntax]. Moscow, URSS, 2022. 224 p. (in Russian).

9. Kharchenko V. K. *Sovremennaya povsednevnyaya rech'* [Moderne everyday speech]. Moscow, Izd-vo LKI, 2010. 184 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 25.05.2023
The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 25.05.2023